

Мистический узор судьбы

Читайте в серии
«Мистический узор судьбы»
романы Натальи Калининой

Яблоневый сад для Белоснежки

Малиновый запах надежды

Аромат колдовской свечи

Стеклянный омут

Тонкая нить предназначения

Семь сокрытых душ

Ледяной поцелуй страха

Секрет черной книги

Что скрывают зеркала

Код фортуны

Наталья Калинина

Мобез из Страны зрез

роман

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

Оформление серии – *Е. Анисина*

Иллюстрация на обложке – *О. Исаева*

Калинина, Наталья Дмитриевна.

К17 Побег из Страны грез : роман / Наталья Калинина. – Москва : Издательство «Э», 2017. – 352 с. – (Мистический узор судьбы. Романы Натальи Калининой).

ISBN 978-5-699-95975-4

Она совершила одну-единственную ошибку, но жестоко корит себя за нее. Она сама готова заточить себя в башню и в полной мере принять наказание – лишь бы не пострадали близкие люди. Именно страх за них заставляет Ингу сломя голову бежать прочь из вновь обретенного дома, расстаться с любимым человеком, который только что сделал ей предложение. Сумеет ли Инга разбить свою призрачную темницу? Простив себя, найдет ли силы принять любовь?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Калинина Н., 2017

© Исаева О., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

ISBN 978-5-699-95975-4

С благодарностью –
Андрею Вельниковскому

I

Еще чуть-чуть, немного усилий, и она будет спасена. Там, за жилым зданием, находится сквер, в котором в этот час выгуливают собак жители соседних домов. Только бы добратсья до него, только бы... Но короткое, на два подъезда, здание вдруг оказывается бесконечно длинным, и твердый асфальт превращается в раскисшую смесь земли и глины, на которой Инга поскользывается и лишь чудом не падает. А удобные туфли на плоской подошве превращаются в босоножки на немыслимой шпильке, которые альпенштоками вонзаются в землю, и выдергивать их становится все трудней и трудней. Ноги делаются вялыми, как у тряпичной куклы. Инга бежит, выбиваясь из сил, но, кажется, не продвигается вперед ни на метр. «Не догонишь, сволочь!» – думает она, с отчаянием понимая, что никуда не деться от преследователя. Теряя драгоценные секунды, но надеясь за их счет выиграть минуты, Инга останавливается, сдергивает с ног босоножки и продолжает бежать босиком. А сзади уже слышен топот догоняющего мужчины, его шумное возбужденное дыхание тяжело ложится на затылок. До обоняния девушки доносится вонь гнилых зубов, так, как если бы преследователь приблизил мерзкое лицо с крупными

гнойными прыщами на заостренном подбородке к ней. Мужчина протягивает руку, чтобы схватить девушку за плечо, но Инга успевает увернуться в последний момент, и растопыренные пальцы лишь слегка скользят по коже. О чудо, она бежит уже так легко и стремительно, будто с босоножками сбросила и стреножившие пути. Длинными прыжками достигает угла дома и, свернув за него, оказывается в сквере. Спасена! И лишь пробежав еще десяток метров, замечает, что сквер такой же безлюдный, как и улица. Скорей, скорей пересечь сквер, выбежать на другую улицу – к людям, закричать, позвать на помощь! Не прекращая бега, Инга оглядывается назад – посмотреть, где находится преследователь, и вдруг при следующем шаге нога проваливается в пустоту... Котлован, строительный котлован, разверзший свою ненасытную пасть, утыканную клыками-арматурой, посреди перерытого сквера! Как она забыла об этом?! Пальцы преследователя хватают ее за плечо, стараясь удержать, но поздно. Инга выскользывает из рук мужчины, как мгновение спустя выскользнет из жизни, будто из шелковой сорочки. Падение с высоты на прутья арматуры – такой бесславный финал ее жизни. Последний крик, пронзительно отчаянный, рвущий легкие. И долгое-долгое падение...

– Инга, Инга!

Родной голос донесся не из пропасти, а где-то совсем рядом. Но Инга, все еще «падающая» в бездну, не отреагировала.

– Да проснись же ты!

Тот, чей голос прозвучал с такими беспокойными интонациями, потряс ее за плечо, и

девушка медленно открыла глаза. Сон и явь, взболтанные, словно вода и масло в одной бутылке, еще не расслоились на две фазы, и в первое мгновение Инге показалось, что чудесное спасение — это продолжение сна.

— Леша?

Вопрос прозвучал с таким недоумением и удивлением, будто она начисто забыла, что живет в доме Чернова и засыпала, счастливая, на плече Алексея.

— Ну а кто же еще? — буркнул мужчина, зажигая свет. — Похоже, тебе опять приснился кошмар.

Щурясь и моргая, Инга обвела взглядом комнату. Спартанская обстановка — во вкусе Чернова. Минимум вещей — в ее вкусе. Это была *их* спальня, дизайн которой — от цвета обоев до фасона покрывала на кровати — они выбирали вместе, пусть и находясь в разных городах. Активно обсуждали вопросы ремонта по телефону и обменивались ссылками на образцы отделочных материалов по электронной почте. Чернов сам высказал идею оборудовать в своем огромном доме новую спальню, где любая мелочь была бы подобрана в соответствии с их с Ингой вкусами. И все ради того, чтобы ей было уютно. Втайне Чернов надеялся, что любимая приедет, чтобы остаться, но девушка согласилась пока погостить лишь месяц — август.

— Это было... ужасно, — пробормотала Инга, имея в виду приснившееся. Поежившись, будто от озноба, она подняла упавшую с кровати простыню и закуталась до подбородка.

— Замерзла? — удивился Алексей, обнимая девушку за ссутуленные плечи и мягко привлекая к себе. — Но ночь ведь душная!

— Это... от страха.

— Со мной не должно быть страшно, — храбро заявил Чернов. И, изменив тон, с беспокойством поинтересовался: — Что же тебе снится такое ужасное? Уже четвертый раз за неделю бужу.

— Не помню, — соврала Инга. — Просыпаюсь и начисто забываю.

— Это хорошо. Зачем вспоминать?

Она тихо вздохнула: как бы хотелось, чтобы это было так! Чтобы больше не вспоминалось плохое, что случилось с нею. Инга не стала объяснять Леше, что кошмары — это не просто страшные сны, вызванные впечатлительностью. Это часть недавнего прошлого, отражение событий, которые уже произошли, но которые она по-прежнему «проживала» по ночам. Впервые ее кошмары были вызваны уже случившимся, а не предсказывали будущее, как раньше. И слава богу!

Может быть, сны-знаки уже никогда не будут видеться: она потеряла силу и чудесные способности предвидеть будущее. Теперь ей жить, оглядываться на прошлое, каждую ночь встречаться с призраками, которые воскресают в снах и протягивают бестелесные ладони, дышат холодом мертвого дыхания, грозят костлявыми пальцами и скалят зубы в страшных ухмылках. Но это уже будут не *знаки*, как раньше. Она, прежняя, умерла в той пропасти вместе со своим потенциальным убийцей.

О том, что случилось, Инга никому не сказала: ни Алексею, ни брату. Даже с невесткой, с которой были доверительные отношения, не стала делиться. Зачем тревожить близких, если все события — уже действительно *пережитое*. Ну а со своими кошмарами она как-нибудь справится. Да и не хватило духу признаться, что в какой-то мере она повинна в несчастьях, обрушившихся на ее семью. Говорить об этом — значит рассказать и о том, что она лишилась силы, потому что проклятием убила человека. Пусть и негодяя, убийцу, насильника, но ведь убила же.

— Давай спать? — с надеждой спросил Алексей, мягко увлекая Ингу обратно в постель. Но девушка повела плечами, освобождаясь от теплых ладоней, и сказала:

— Леш, я спущусь на кухню. Пить хочется. Да и воздуху глотнуть. Боюсь, сейчас мне не удастся заснуть.

— Я с тобой! — с готовностью приподнялся мужчина.

— Ну что ты как маленький, — засмеялась она. — Куда я от тебя денусь? Спи, я скоро вернусь.

Дом, днем шумный, наполненный голосами, смехом, шелестом шагов, детскими криками, сейчас был погружен в такую непривычную тишину, словно крепко уснул, как и его обитатели. Инга сделала несколько шагов, которые разнеслись по притихшему коридору так громко, будто вместо тапочек на резиновой подошве обута была в деревянные сабо. Она разулась и продолжила путь босиком, на

цыпочках. Не раз приходилось ходить по этому дому ночью, но никогда еще тишина не казалась такой глубокой. Может, потому, что на этот раз дом был наполнен дневными звуками куда больше, чем раньше? В таком большом особняке жил лишь Алексей Чернов со своей девятилетней дочерью Лизой. Но сейчас, помимо Инги, гостили ее брат Вадим с женой Ларисой и маленьким сыном Ванечкой. Леша сам предложил любимой с родными провести август в его доме на море. После периода неприятностей и несчастий все нуждались в положительных эмоциях и отдыхе. Невестка с радостью откликнулась на предложение вывезти из загазованной столицы на побережье маленького сына. Море было нужно и Вадиму. Да и сама Инга была счастлива провести месяц в обществе близких и родных.

Только вот забыть о кошмарах никак не получалось.

Она прошла по длинному коридору второго этажа, на котором располагались спальни — их с Алексеем, Лизы и гостевые, а также кабинет Чернова и библиотека. Затем спустилась по лестнице на первый этаж и зажгла свет в огромной кухне, напичканной современной техникой. Это было царство домработницы и поварихи Нины Павловны, на ночь ушедшей к себе домой. Каждый раз, переступая порог, Инга испытывала неловкость за вторжение. Глупость, конечно, Нина Павловна любила ее и простила бы любое нарушение порядка. Но все же девушка не могла отделаться от ощущение-

ния, что хозяйничает на чужой территории, даже самостоятельно наливая чай.

«Хорош дом у Чернова, но даже при большом желании — его, моем или чьем-то еще — я не почувствую себя здесь хозяйкой», — подумала она, поднося к губам чашку. Тут уже была настоящая хозяйка — законная жена Алексея, мама Лизы, умершая от быстротечной болезни. И хотя Леша переделал спальню, принадлежавшую раньше Кристине, в одну из гостевых комнат, чтобы продемонстрировать Инге готовность к новой жизни, все равно девушка не забывала, кто тут был настоящей хозяйкой.

Вопрос, как поддерживать отношения «на расстоянии», был болезненным и, казалось, нерешаемым. Как и тот, кто к кому переедет. Чернов не мог оставить свой рыбный бизнес, Ингу же многое привязывало к столице. Но после того как чуть не потеряла Алексея, стала задумываться о переезде. Только вот в его доме продолжала чувствовать себя гостьей — желанной, любимой, но все же гостьей.

Одним глотком она допила остывший чай, сполоснула чашку и поставила ее на место. Ночь — плохое время для принятия решений, сомнения в тишине и одиночестве лишь множатся и растут. На подоконнике Инга увидела пачку сигарет, забытую братом, и потянулась к ней. Раньше она много курила, потом почти бросила, а после всех переживаний вновь задымила как паровоз. Но недавно дала обещание Лизе попытаться оставить эту вредную привычку. И почти справлялась! Курила лишь после кошмаров.

Выйдя в теплую ночь, темнота которой уже была разбавлена подступающим рассветом, Инга с зажженной сигаретой в пальцах села прямо на ступеньку крыльца. Но не просидела и минуты, как услышала за спиной скрип открывающейся двери. Даже не оглянувшись, она поняла, что это Алексей.

— Почему не спишь? — спросила она, не обращившись.

— Не могу без тебя, — ответил он, присаживаясь рядом и беря из ее пальцев сигарету. — Как я могу спать, когда ты где-то расстроенная бродишь?

Сделав затяжку, он вернул девушке сигарету. Обняв одной рукой Ингу за плечи, Алексей мягко притянул ее к себе. Она прильнула к нему и улыбнулась тускнеющим на светлеющем небе звездам. Какие правда глупости — эти ночные кошмары, которые не предсказывают будущее, а всего лишь отражают уже пережитое. Неважно, что там осталось, в прошлом, когда есть настоящее. И будущее — такое, о каком она мечтала.

* * *

Запах и холод сырой земли, круглосуточный сумрак, осклизлые стены, понизу, до высоты полуметра, закрытые досками из необработанного дерева, давали обманчивую надежду, что ее проклятое существование, пожизненное заключение, наконец-то закончилось и она получила волю — смерть. Но почему

получается двигаться в этом тесном, похожем на гроб, помещении, натыкаясь вслепую на стены, обдирая ладони о пробивающиеся кое-где корни растений и шершавое занозистое дерево? Почему чувствуется этот гнилостный запах долгожданного освобождения? Почему ощущается холод, от которого ломит кости и болят суставы — еще одна нескончаемая пытка в этом настоящем аду?

Жива...

Заживо похороненная.

Давно нет различий между днями: будни это или выходные... И ночи слились в одну — с пыткой-бессонницей, с одним и тем же кошмаром, являющимся в короткие моменты забвения. Сколько прошло времени? Годы? Месяцы? А может, здесь вовсе нет его — в этой адовой вечности. Значит, нет и порога, отделяющего «это» существование от «того». И может, она уже не «тут», а давно «там» — продолжает отбывать свое наказание за совершенное. Навечно проклятая.

А суставы-то болят, как у изношенной жизнью старухи. Может, она уже и есть старуха? Возможно, возможно... И спину гнет, как после тяжелой ноши многолетнего опыта. Или от работы? Их труд тяжел и однообразен. Стороннему, забреди он сюда, подумалось бы, что узницы заняты на стройке: носят камни, двигают плиты, разбирают старые кладки. Пот ручьем и стоны... Не женский труд. До ночи работают. А утром встанешь, и чудно — все стало так, как и было изначально. И разобранная стена опять стоит, как прежде, и пли-

ты нетронутые лежат... Вздохнешь, и вновь за дело — таскать, разбирать, двигать. Изо дня в день. Без изменений. И тяжелей становится от того, что понимаешь бесконечность и бесполезность этой работы. Не камни таскаешь — грехи свои.

Она ни разу за все время «заключения» не предприняла попытки к бегству. Не потому, что было сложно выбраться отсюда, а потому, что заключена была не в тесную комнатуху, а в совершенный грех, обездвигивший ее похлепце ремней и приковавший к этому месту кандалами проклятия. Она сама — пустая оболочка — стала для себя камерой заключения. Где бы ни находилась. Возможно, со смертью обретет она долгожданную свободу. А может, и нет. Как знать, ведь смерть все не приходила...

* * *

— Алиса, идешь? — позвал из спальни муж.

— Нет, я лягу позже, — отозвалась девушка, стараясь, чтобы голос прозвучал сокрушенно, но внутри испытывая одновременно два чувства — нетерпение и вину. Они стали ее спутниками два месяца назад и сопровождали теперь изо дня в день ночь за ночью.

Муж появился в гостиной и немым укором застыл в дверях. Алиса оглянулась и, увидев, что после вечернего душа он опять переоделся в байковую клетчатую пижаму, незаметно поморщилась. Это была проигранная война: Сережа отвергал все новые пижамы, покупаемые

женой, ради этой застиранной, вылинявшей, изношенной. Новые носил ровно столько, сколько требовалось, чтобы любимая одежда высохла после стирки. Алиса каждый раз после глажки подсовывала «убожище», как она презрительно звала комплект, под стопку новых, надеясь, что муж изменит привычке. Но нет, он упорно доставал эту, байковую...

— Сереж, — упрекнула Алиса, красноречивым взглядом окидывая его одеяние. Штаны после многолетних стирок «сбежались» настолько, что стали выше щиколоток. Но даже это не смущало мужа. «Выкину, когда-нибудь выкину!» — подумала она в очередной раз, зная, что без согласия Сережи этого не сделает. Это был первый «интимный» подарок ему еще в пору, когда они встречались. И муж шутил, что пижама ему дорога как талисман, охраняющий их отношения вот уже на протяжении шести с половиной лет.

«Талисман», — с горечью подумала Алиса, бросив украдкой взгляд на новенький ноутбук. И устыдилась до румянца, который на бледных щеках наверняка расцвел яркими маками. Такая уж у нее особенность: чуть что — в краску...

Муж, к счастью, расценил ее взгляд в сторону компьютера по-своему:

— Алис, только недолго. Уже поздно, а тебе завтра на работу.

— Я только еще раз посмотрю отчет, — сказала она, присаживаясь за стол и открывая ноутбук. Муж подошел сзади и помассировал ей плечи, а затем поцеловал в затылок.